

Тишина между строк

*Иногда самые важные слова —
те, что не сказаны вслух*

*Я не умею
любить,
но я учусь*

18+

АГНЕССА МОНКС

Агнесса Монкс

Тишина между строк

<https://litres.ru/74673828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война закончилась. Хогвартс восстанавливают, но некоторые раны не залечиваются камнем и заклинаниями.

Гермиона Грейнджер возвращается на восьмой курс — не потому, что хочет, а потому что не знает, куда идти. Северус Снейп тоже возвращается — вопреки всем ожиданиям, включая собственные. Он хромает, почти не говорит и старается быть невидимым.

Когда в замке начинают происходить странные вещи — исчезают ингредиенты, ломается оборудование, кто-то пытается сорвать восстановление, — они вынуждены работать вместе. Она — чтобы доказать, что всё ещё нужна этому миру. Он — чтобы не думать о том, что этот мир больше не нужен ему.

Но чем больше времени они проводят вдвоём, тем тоньше становится грань между долгом и чем-то, что оба запрещают себе чувствовать. Она пишет об этом в дневнике. Он — в заметках, которые никогда не покажет. Они думают друг о друге больше, чем готовы признать. И когда правда наконец выходит наружу, оказывается, что их «случайные» встречи были не такими уж случайными.

Агнесса Монкс

Тишина между строк

Глава 1. Дом, который не помнит

Поезд прибыл на станцию Хогсмид ровно в семь вечера — как всегда, с точностью, которая сейчас казалась почти оскорбительной. Гермиона стояла на платформе, сжимая лямку рюкзака, и смотрела, как остальные студенты высыпают из вагонов. Восьмой курс был малочисленным — всего двадцать три человека, но и они казались толпой после пустых коридоров «Норы», где она провела последние три месяца, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

— Грейнджер.

Она обернулась. Джинни Уизли стояла позади, в мантии с гриффиндорским гербом, и улыбалась — но улыбка была осторожной, словно она проверяла, можно ли ещё шутить.

— Ты идёшь? — спросила Джинни. — Кареты ждут.

— Иду, — сказала Гермиона и заставила себя улыбнуться в ответ.

Они сели в карету вдвоём. Лошади-фестралы — теперь Гермиона видела их — стояли смирно, и их кожистые крылья подрагивали в вечернем воздухе. Она помнила, как впервые увидела их на пятом курсе, и как это знание легло на неё тяжёлым грузом. Теперь это была просто ещё одна правда, с которой она научилась жить.

— Ты была у Гарри? — спросила Джинни, когда карета тронулась.

— На прошлой неделе. Он... — Гермиона запнулась. — Он в порядке. Насколько это возможно.

Гарри не вернулся в Хогвартс. Он получил место в аврорате — «ускоренный курс для героев войны», как это называли в Министерстве. Рон ушёл с ним. Они оба решили, что с них хватит учебников и экзаменов.

Гермиона не могла их винить. Но и не могла последовать за ними. Что-то в ней — упрямое, гриффиндорское, неис требимое — требовало закончить то, что было начато. Получить диплом. Доказать, что она всё ещё та, кем была до войны.

Или, может быть, просто найти причину не оставаться одной.

Карета катилась по дороге, и Хогвартс вырастал в сумерках — знакомый силуэт, который когда-то казался ей домом. Теперь замок выглядел иначе. В некоторых окнах не было стекла — их заменили чарами, которые мерцали при движении. Западное крыло, разрушенное в битве, было отстроено заново, но камни казались слишком новыми, слишком гладкими. Как заплатка на старой мантии.

— Он изменился, — тихо сказала Джинни, словно читая её мысли.

— Да, — ответила Гермиона. — Изменился.

Она не сказала, что думала на самом деле: «Мы все изме-

нились. И я не уверена, что мне нравится та, кем я стала.».

Большой зал встретил их запахом краски и воска. Потолок был зачарован заново — теперь над столами висело не ночное небо, а мягкий золотистый свет, словно от тысяч свечей, которые никто не зажигал. Это было красиво. И неправильно.

Гермиона села за гриффиндорский стол, машинально отметив, что за слизеринским сидят только трое. За пффендуйским — пятеро. Когтевран почти пуст.

— Где все? — прошептала она.

— Не вернулись, — ответила Джинни, и её голос был ровным, как у человека, который научился говорить о потерях. — Многие не вернулись

МакГонагалл — теперь директриса, с седыми волосами, собранными в строгий пучок, и морщинами, которые стали глубже за год, — поднялась со своего места. Её речь была короткой и деловой: о восстановлении, о новых правилах, о том, что этот год будет «трудным, но важным». Она не упомянула войну. Не упомянула погибших. Не упомянула, что половина студентов за столами сидит с пустыми глазами.

Гермиона слушала и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Она искала глазами знакомое лицо — и не находила.

«Он не вернулся,» — подумала она, и эта мысль должна была принести облегчение. Не принесла.

А потом двери Большого зала открылись, и он вошёл.

Северус Снейп двигался медленно, опираясь на трость —

чёрную, с серебряным набалдашником в форме змеи. Его мантия была застёгнута до горла, волосы казались ещё более тёмными на фоне бледного лица. Он не смотрел ни на кого. Прошёл мимо столов, хромя чуть заметнее, чем хотел бы показывать, и сел на своё место за преподавательским столом — крайнее, у стены.

— Он выжил, — выдохнула Джинни. — Я думала... ходили слухи...

— Он выжил, — повторила Гермiona, и её голос прозвучал странно — слишком тихо, слишком внимательно.

Она смотрела на него. Он не поднимал глаз. Но в какой-то момент — всего на секунду — его взгляд скользнул по залу и остановился на ней. Чёрные глаза, непроницаемые, как омут. И что-то в этом взгляде было не так, как раньше. Не было презрения. Не было насмешки.

Было что-то другое. Что-то, чего она не могла назвать.

Он отвёл глаза первым.

Гермiona поняла, что не дышит, и заставила себя вдохнуть.

После ужина она пошла в библиотеку. Не потому, что ей нужно было что-то найти — просто это было единственное место в замке, которое, казалось, не изменилось. Мадам Пинс всё ещё сидела за своим столом, всё ещё шикала на шумных студентов, всё ещё пахла старыми книгами и чернилами.

Гермiona нашла свой обычный столик в дальнем углу — у

окна, выходящего на озеро. Села. Открыла дневник — обычную маггловскую тетрадь в кожаном переплёте, которую купила в Лондоне перед возвращением.

«Я вернулась,» — написала она. «Замок стоит. Стены помнят. Я не уверена, что помню себя.»

Она остановилась, глядя на строчки. Потом закрыла дневник и убрала его в сумку. Слишком рано. Слишком много мыслей, которые она не готова была облечь в слова.

Она взяла с полки первый том «Истории Хогвартса» — не потому, что хотела читать, а потому что нуждалась в знакомом ритуале. Открыла. Начала читать.

Через двадцать минут она поняла, что не помнит ни слова из прочитанного.

Она подняла глаза — и увидела его.

Снейп стоял у стеллажа с зельями, в десяти шагах от неё. Он не смотрел на неё. Он смотрел на книгу в своих руках — тонкий том в тёмном переплёте. Но она знала, что он здесь уже какое-то время. Знала по тому, как напряглись его плечи, когда она пошевелилась.

Гермиона опустила глаза обратно в книгу. Сердце стучало слишком громко.

«Не смотри на него. Не думай о нём. Он просто профессор. Бывший профессор. Тот, кто... может.

Она не закончила читать мысль.

Он ушёл через десять минут — так же.

молча, как появился. Но когда он проходил мимо её сто-

лика, она почувствовала запах — зелья, полынь, что-то ещё, тёмное и горькое. И на секунду — всего на секунду — её взгляд встретился с его.

Он не улыбнулся. Она тоже.

Той ночью она не спала.

Спальня восьмого курса была почти пустой — только она и Джинни, которая уже сопела на соседней кровати. Гермiona лежала, глядя в потолок, и слушала тишину.

В тишине было слишком много места для воспоминаний.

Она видела, как падает Сириус. Как умирает Добби. Как Беллатриса стоит над ней с ножом. Как Снейп — профессор Снейп, тот, кого она ненавидела всем сердцем — стоит в Визжащей хижине, истекая кровью, и умоляет: «Возьмите... возьмите...»

Она видела, как он выжил.

Никто не знал, как. Ходили слухи: противоядие, которое он приготовил заранее; заклинание, которое отразило яд; вмешательство кого-то из Ордена, кто успел вовремя. Но правда была в том, что никто не спрашивал. Снейп выжил — и это было всё, что имело значение. Герой войны, который не хотел быть героем.

Гермиона повернулась на бок и посмотрела на окно. Луна светила сквозь стекло, и в её свете она увидела на подоконнике что-то маленькое и тёмное.

Она встала. Подошла. Это была книга — тонкая, в чёрном переплёте. Та самая, которую держал Снейп

Гермиона взяла её. Открыла.

На форзаце — аккуратно, чернилами, которые уже начали выцветать, — было написано:

«Тому, кто найдёт это. Я не знаю, зачем я пишу. Наверное, потому что тишина слишком громкая. Если ты читаешь это — значит, ты тоже слышишь её. Может быть, вдвоём мы сможем её заглушить.»

Ни подписи. Ни имени.

Гермиона закрыла книгу и прижала её к груди. Сердце колотилось.

Она не знала, что это значит. Не знала, кто это написал. Но почему-то — иррационально, глупо — она была уверена, что это не случайность.

Она вернулась в кровать. Положила книгу под подушку.

И впервые за много месяцев уснула без сновидений.

Из записок Северуса Снейпа, найденных позже в его столе:

«Я вернулся, потому что не знал, куда ещё идти. Потому что Хогвартс — единственное место, которое помнит меня таким, какой я был. И таким, какой я не был.»

Сегодня я видел её. Грейнджер. Она сидела в библиотеке, и в её глазах было что-то, чего я не ожидал увидеть. Не ненависть. Не жалость.

Что-то другое.

Я не должен был оставлять книгу. Это было глупо. Импульсивно. Нехарактерно для меня.

Но когда я проходил мимо, она подняла глаза — и на секунду мне показалось, что тишина стала тише.

Я не знаю, что это значит.

Наверное, ничего.

Надеюсь, ничего.»

Глава 2. Библиотека в полночь

Книга не давала ей покоя.

Гермиона проснулась за час до рассвета — с мыслью о тонком чёрном переплёте под подушкой. Она достала её, раскрыла на первой странице. Ни названия, ни автора — только пожелтевшие страницы, исписанные аккуратным почерком. Строки шли ровно, без помарок, словно писавший обдумывал каждое слово прежде, чем коснуться пером бумаги.

«Я не знаю, зачем я пишу. Наверное, потому что тишина слишком громкая.»

Гермиона провела пальцем по строчке. Чернила были старыми, но не выцветшими до конца — значит, записи сделаны не так давно. Может быть, год назад. Может быть, несколько месяцев.

Она перевернула страницу.

«Вчера я снова ходил по коридорам. Я делаю это каждую ночь, когда не могу уснуть. Западное крыло отстроили. Камни новые, гладкие. Никто не помнит, что здесь была стена, под которой я стоял в ту ночь. Я помню. Я всегда помню.»

Гермиона захлопнула книгу. Сердце стучало. Она не

должна была это читать. Это было личное — слишком личное для чужих глаз.

Но она уже прочитала. И теперь не могла перестать думать о том, кто это написал.

Она оделась тихо, чтобы не разбудить Джинни, и спустилась в Большой зал к завтраку. Ела без аппетита, отвечала на вопросы Джинни односложно. Всё время её взгляд скользил по преподавательскому столу — но место у стены, где вчера сидел Снейп, пустовало.

— Он не завтракает с нами, — сказала Джинни, проследив за её взглядом. — Говорят, он вообще почти не выходит из своих комнат. Только на уроки.

— Ты знаешь, почему он вернулся? — спросила Гермиона, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Джинни пожала плечами.

— МакГонагалл уговорила. Он единственный, кто может вести зелья на должном уровне. А после войны... — она запнулась. — После всего, что он сделал, ему обязаны. Все это понимают.

Гермиона кивнула. Но мысль, которая крутилась в голове, была другой: «Он вернулся, потому что ему больше некуда идти.»

День прошёл в тумане. Расписание, кабинеты, новые учебники — всё это казалось декорацией, за которой скрывалось что-то настоящее. Гермиона ловила себя на том, что не слушает профессоров, что её взгляд уходит в окно, а мыс-

ли возвращаются к тонкой чёрной книге, спрятанной в сумке.

К вечеру она приняла решение.

В десять часов, когда старосты развели младших по спальням, а коридоры опустели, Гермiona выскользнула из гриффиндорской башни. Мантия-невидимка осталась в Лондоне — она не взяла её, потому что не думала, что понадобится. Вместо этого она наложила на себя дезиллюминационное заклинание — слабое, но достаточное, чтобы слиться с тенями.

Библиотека закрывалась в девять. Но дверь, как она помнила, можно было открыть алихоморой — если знать, куда нажать. Она знала.

Замок поддался с тихим щелчком. Гермiona проскользнула внутрь и прикрыла за собой дверь.

Библиотека в полночь была другим местом. Стеллажи вырастали до потолка, как деревья в тёмном лесу; лунный свет падал сквозь высокие окна, выхватывая из темноты корешки книг, и казалось, что каждый том дышит. Пахло пылью, воском и старой бумагой — знакомый запах, который когда-то означал безопасность.

Гермiona прошла к своему столику у окна. Села. Достала чёрную книгу.

Она не знала, что ищет. Может быть, ответ. Может быть, знак. Может быть, ещё одну строчку, которая объяснит всё.

Она открыла страницу наугад.

«Сегодня я видел, как она смеётся. Грейнджер. В Боль-

шом зале, с Уизли. Она смеялась так, будто война никогда не случалась. Я смотрел на неё и думал: как ей это удаётся? Как можно смеяться, когда внутри всё разорвано на куски?»

Гермиона замерла. Строчки расплывались перед глазами. Она моргнула, и на страницу упала капля — она не сразу поняла, что плачет.

«Может быть, она сильнее, чем я. Может быть, она умеет жить дальше. Я не умею. Я застрял в той ночи, в Визжащей хижине, когда думал, что умираю. Я до сих пор чувствую вкус крови на губах. До сих пор слышу, как она кричит.»

Гермиона закрыла глаза. Она знала, о чём он пишет. Она была там.

Она не слышала, как открылась дверь. Не слышала шагов — хромых, медленных. Очнулась только когда тень упала на страницу.

— Мисс Грейнджер.

Голос был тихим. Ровным. Но в нём было что-то, от чего у неё перехватило дыхание.

Она подняла глаза.

Северус Снейп стоял по другую сторону стола. В руке — трость. На лице — ни тени удивления. Словно он знал, что найдёт её здесь.

— Профессор, — выдохнула она. — Я... я не...

— Вы читаете мои записи, — сказал он. Это не было вопросом.

Гермиона посмотрела на книгу в своих руках. Потом на

него. Потом снова на книгу.

— Я нашла её в спальне, — сказала она, и голос дрогнул.
— Вчера. На подоконнике. Я не знала, что это ваше. Я думала...

— Вы думали, что это чей-то дневник, — закончил он. — И всё равно прочитали.

Она не стала отрицать. Это было бы глупо.

— Да, — сказала она. — Прочитала. И не жалею.

Снейп молчал. Луна светила ему в спину, и его лицо было наполовину в тени. Он не выглядел рассерженным. Он выглядел... уставшим.

— Зачем вы вернулись? — спросила Гермиона, прежде чем успела остановить себя.

— В библиотеку?

— В Хогвартс.

Он медленно опустился на стул напротив — так, словно каждое движение причиняло боль. Трость он поставил рядом, прислонив к столу.

— Потому что мне больше некуда идти, — сказал он. — И потому что кто-то должен помнить.

— Помнить о чём?

Снейп поднял на неё глаза. В лунном свете они казались бездонными.

— О том, что война заканчивается не тогда, когда падает последний враг, — произнёс он. — А тогда, когда мы перестаём бояться тишины.

Гермиона почувствовала, как что-то сжалось в груди. Она смотрела на него — на человека, которого ненавидела шесть лет, на человека, который умер у неё на руках и вернулся, на человека, чьи записи она читала, — и впервые видела не профессора, не героя, не жертву.

Она видела человека. Сломленного. Уставшего. Живого.
— Я тоже боюсь тишины, — сказала она. — В тишине слишком много воспоминаний.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. И в этом взгляде не было ни насмешки, ни презрения — только понимание, которое бывает только между теми, кто пережил одно и то же.

— Да, — сказал он тихо. — Я знаю.

Он протянул руку — медленно, словно давая ей время отстраниться. Но она не отстранилась. Он взял книгу из её пальцев. Их руки соприкоснулись на секунду — его пальцы были холодными, как лёд.

— Вам не следовало это читать, — сказал он, но в голосе не было упрёка.

— Знаю, — ответила Гермиона. — Но я рада, что прочитала.

Снейп поднялся. Опираясь на трость, обошёл стол. Остановился рядом с ней — так близко, что она почувствовала знакомый запах: полынь, зелья, что-то горькое и тёмное.

— Не приходите сюда больше ночью, — сказал он, не глядя на неё. — Здесь небезопасно.

— Хогвартс безопасен, — возразила она. — После войны...

— Хогвартс никогда не был безопасен, — перебил он. — И не будет. Особенно теперь.

Он ушёл — так же медленно, как появился. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком. Гермиона осталась одна.

Она смотрела на то место, где он стоял. Потом на книгу — точнее, на пустое место, где она лежала. Он забрал её.

Но когда Гермиона поднялась, чтобы уйти, она заметила на столе что-то маленькое и тёмное. Клочок пергамента. Сложенный вдвое.

Она развернула его.

«Если вы всё ещё хотите понять — приходите завтра. В полночь. В лабораторию. Я объясню.»

Ни подписи. Но она знала, от кого это.

Гермиона спрятала записку в карман мантии и вышла из библиотеки. Сердце стучало. В голове было пусто и светло одновременно.

Она не знала, что её ждёт. Но знала, что придёт.

Из заметок Северуса Снейпа, найденных позже в его столе:

«Она прочитала. Всё. Я видел это по её глазам — она знает то, что я никогда никому не показывал.

Я должен был разозлиться. Должен был выгнать её. Но когда я увидел её там, в лунном свете, с моей книгой в руках, я почувствовал...

Что? Облегчение?

Это глупо. Это опасно. Она — бывшая ученица. Ребёнок. Я не должен думать о ней. Не должен замечать, как она кусает губы, когда читает. Не должен помнить, как звучит её голос, когда она говорит моё имя.

Я оставил ей записку. Я не знаю, зачем. Наверное, потому что тишина стала слишком громкой.

И потому что впервые за долгое время мне есть что сказать.»

Глава 3. Список потерь

Утро началось с крика.

Гермиона услышала его ещё в коридоре — пронзительный, на грани паники, — и бросилась бежать, не разбирая дороги. Крик доносился из подземелий. Из кладовой для ингредиентов.

Дверь была распахнута настежь. Внутри, среди стеллажей с банками и склянками, стояла первокурсница-пуффендуйка, зажимавшая рот руками. Её глаза были круглыми от ужаса.

— Что случилось? — Гермиона опустилась рядом с ней на колени. — Ты цела? Тебя кто-то обидел?

Девочка покачала головой и показала дрожащим пальцем на дальний стеллаж.

Полки были пусты. Не просто пусты — выпотрошены. Банки с лунным камнем, настойкой мандрагоры, чешуёй дракона — всё, что годами собиралось для зелий, — исчез-

ло. На полу валялись осколки, а на стене — там, где раньше висели защитные чары, — красовалась свежая царапина, словно кто-то провёл ножом.

— Я... я просто хотела взять перо, — пролепетала девочка. — Оно закатилось сюда вчера. А тут...

— Всё хорошо, — сказала Гермиона, хотя ничего хорошего не было. — Иди к мадам Помфри. Скажи, что я попросила дать тебе успокоительное. Я разберусь.

Она дождалась, пока девочка уйдёт, и только потом позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось. Она знала, что это значит. Знала, что это не случайность.

Кто-то был в Хогвартсе. Кто-то, у кого был доступ к подземельям.

Через час в кабинете директрисы собрались все преподаватели. МакГонагалл сидела во главе стола, прямая как палка, с плотно сжатыми губами. Справа от неё — профессор Флитвик, бледный и взволнованный. Слева — мадам Помфри, хмурая. И у стены, чуть в стороне, — Снейп.

Гермиона стояла у двери. Её никто не приглашал, но и не прогонял.

— Это уже третий случай за неделю, — сказала МакГонагалл. — Сначала пропали котлы из лаборатории. Потом — защитные камни из западного крыла. Теперь — ингредиенты. Кто-то методично саботирует восстановление замка.

— Может быть, это студенты? — предположил Флитвик. — Шутка? Глупость?

— Студенты не смогли бы снять защитные чары, — сказал Снейп. Голос был тихим, но в комнате сразу стало тише. — На кладовой стояли чары, которые я накладывал лично. Их не сломать без... подготовки.

МакГонагалл кивнула.

— Северус, вы можете проверить, что именно пропало?

— Уже проверил, — он достал из кармана мантии сложенный пергамент. — Список. Всё, что пропало. И всё, что осталось. Кто-то знал, что брать. Не тронули ни безоар, ни слёзы феникса — их слишком легко отследить. Взяли только то, что можно использовать для приготовления... запрещённых зелий.

Тишина в комнате стала густой, как смола.

— Вы хотите сказать, — медленно произнесла МакГонагалл, — что кто-то готовит запрещённые зелья? В Хогвартсе?

— Я хочу сказать, — ответил Снейп, — что кто-то готовит что-то. И у него есть доступ к замку.

Гермиона слушала, и в голове у неё складывалась картина. Она знала эти ингредиенты. Знала, что из них можно сделать. Обратное зелье. Яд. Что-то, что могло быть опаснее всего, что она видела за годы войны.

— Я могу помочь, — сказала она.

Все повернулись к ней. Снейп посмотрел на неё — долгим, внимательным взглядом.

— Мисс Грейнджер, — начала МакГонагалл, — это не...

— Я знаю ингредиенты, — перебила Гермiona. — Я изучала зельеварение шесть лет. Я знаю, что можно сделать из того, что пропало. И я знаю, как это остановить.

Она не сказала: «И я знаю, что он тоже это знает. И что мы могли бы работать вместе.»

МакГонагалл молчала. Снейп тоже. Потом он сказал — ровно, без эмоций:

— Мисс Грейнджер права. Она может быть полезна.

Это было первое, что он сказал о ней — публично, при всех, — и это было не оскорбление. Не насмешка. Признание.

Гермiona почувствовала, как что-то тёплое разливается в груди. Она кивнула.

— Хорошо, — сказала МакГонагалл. — Мисс Грейнджер, вы будете помогать профессору Снейпу. Но это не означает, что вы можете пренебрегать другими предметами. И это... — она помолчала, подбирая слова, — это должно оставаться между нами. Пока мы не выясним, что происходит.

— Разумеется, — ответила Гермiona.

Снейп не смотрел на неё. Но когда она выходила из кабинета, он оказался рядом — так близко, что она снова почувствовала запах полыни.

— В лабораторию, — сказал он тихо. — Сегодня. В восемь. Не опаздывайте.

И ушёл, не дожидаясь ответа.

В восемь она была на месте.

Лаборатория Снейпа находилась в самом конце подземелий — комната, которую она помнила по урокам зельеварения, но теперь выглядела иначе. Столы были сдвинуты к стенам, в центре стоял большой котёл, а на полках — ряды склянок с аккуратными подписями. На столе у окна лежал список пропавших ингредиентов — тот самый пергамент, который он показывал МакГонагалл.

Снейп стоял у котла, помешивая что-то, что пахло горьким миндалём и дымом.

— Вы пришли, — сказал он, не оборачиваясь. — Я думал, вы передумаете.

— С чего бы? — Гермиона прошла к столу, сняла мантию, повесила на спинку стула. — Я не из тех, кто бросает начатое.

— Знаю, — ответил он, и в его голосе промелькнула тень былой усмешки. — Вы всегда были... настойчивой.

Она села. Взяла список. Пробежала глазами.

— Лунный камень. Настойка мандрагоры. Чешуя дракона. Кровь единорога... — она подняла глаза. — Это всё для обратного зелья. Или для чего-то... хуже.

— Для яда, — сказал Снейп, отходя от котла. — Если смешать правильно, получится яд без запаха и вкуса. Смертельный. И неотслеживаемый.

— Кто-то хочет кого-то убить, — прошептала Гермиона.

— Или что-то остановить, — он сел напротив неё. — Восстановление Хогвартса. Возвращение студентов. Возможно,

всё сразу.

Они замолчали. В лаборатории было тихо, только котёл тихо булькал на огне. Гермiona смотрела на список и думала.

— Нам нужно найти, кто это, — сказала она наконец. — И чем скорее, тем лучше.

— Согласен, — ответил Снейп. — Поэтому я предлагаю работать вместе. Каждый вечер. Здесь. Пока не найдём.

Она посмотрела на него. В тусклом свете лаборатории его лицо казалось почти мягким. Морщины у рта стали глубже, но глаза — чёрные, внимательные — смотрели на неё без обычной отстранённости.

— Почему вы доверяете мне? — спросила она. — Вы никому не доверяете.

Он помолчал. Потом сказал:

— Потому что вы читали мои записи. И не отвернулись. Это было больше, чем она ожидала. Она кивнула.

— Хорошо. Тогда начнём.

Они работали до полуночи.

Снейп показывал ей, как отслеживать ингредиенты по остаточным следам магии — сложное заклинание, которое она никогда не видела раньше. Она конспектировала, задавала вопросы, и он отвечал — терпеливо, без обычного сарказма. В какой-то момент она поймала себя на том, что смотрит на его руки — длинные пальцы, испачканные в чернилах, — и отводит взгляд слишком быстро.

— Устали? — спросил он, заметив.

— Нет, — соврала она.

— Лжёте, — сказал он, но без злости. — Идите спать. Завтра продолжим.

Она поднялась. Надела мантию. У двери обернулась.

— Профессор...

— Северус, — перебил он. — Здесь нет студентов. Только мы.

Она сглотнула.

— Северус, — повторила она, и его имя прозвучало в её устах странно — слишком интимно, слишком правильно. — Спасибо. За то, что доверились мне.

Он не ответил. Но когда она уходила, она могла поклясться, что видела, как уголок его губ дёрнулся вверх.

Из заметок Северуса Снейпа, найденных позже в его столе:

«Она работала со мной весь вечер. Не жаловалась. Не отвлекалась. Задавала правильные вопросы.

Я не должен был позволять ей называть меня по имени. Это стирает границы. А границы — единственное, что меня держит.

Но когда она сказала "Северус", я почувствовал, как что-то внутри дрогнуло. Что-то, что я считал мёртвым.

Она возвращается завтра. И послезавтра. И каждый вечер, пока мы не найдём того, кто это делает.

Я не должен ждать этого. Но жду.»

Глава 4. То, что осталось

Они работали вместе уже второй вечер. Гермиона приходила в лабораторию ровно в восемь, и каждый раз Снейп уже был там — склонившись над котлом или над списком ингредиентов, словно никогда не уходил. Они говорили только о деле: о следах магии, о подозреваемых, о том, какие зелья можно приготовить из пропавших компонентов. Ничего личного. Ни слова о книге, о записях, о том вечере в библиотеке.

Но Гермиона замечала вещи, которые не должна была замечать.

То, как он морщился, когда думал, что она не смотрит, — и потирал левое предплечье, где под рукавом скрывалась Тёмная метка. То, как его пальцы иногда дрожали, когда он ставил склянку на полку. То, как он замолкал на полуслове, словно слышал что-то, чего не слышала она.

Сегодня он был тише обычного. Отвечал односложно, не поднимал глаз. Гермиона чувствовала: что-то не так. Но не знала, как спросить.

В десять он отложил перо и сказал:

— На сегодня всё. Идите.

— Северус...

— Идите, — повторил он, и в голосе было что-то, от чего она замолчала. Не злость. Что-то хуже.

Она ушла. Но не в башню.

Она нашла его на астрономической башне.

Не сразу — сначала она обыскала подземелья, потом ко-

ридоры первого этажа, потом библиотеку. И только когда вышла на улицу, чтобы проверить внутренний двор, увидела силуэт на самом верху башни — тёмный, неподвижный, на фоне звёздного неба.

Она поднялась по винтовой лестнице. Шаги гулко отдавались в тишине. Дверь на площадку была приоткрыта, и ветер трепал её край.

Снейп стоял у парапета. Спиной к ней. Мантия развевалась, и в лунном свете его фигура казалась высеченной из камня.

— Я сказал вам идти спать, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Я не послушалась, — ответила Гермиона, подходя. — Удивительно, правда?

Он не ответил. Она встала рядом — на расстоянии вытянутой руки, но не ближе. Посмотрела туда же, куда смотрел он: на тёмное озеро, на силуэты гор вдалеке, на звёзды, которые казались холодными и равнодушными.

— Вы часто здесь бываете? — спросила она тихо.

— Каждую ночь, когда не могу уснуть.

— А когда можете?

Он помолчал. Потом сказал:

— Редко.

Ветер усилился. Гермиона поёжилась, и Снейп — она заметила краем глаза — чуть повернул голову, словно проверяя, не уходит ли она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.